

Я. Г. Солодкин

ЛЕТОПИСНАЯ ВЕРСИЯ ПЕЛЫМСКОГО ПОХОДА ЕРМАКА: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СТЕПЕНЬ ДОСТОВЕРНОСТИ*

Одним из главных событий «зауральской эпопеи» 1582–1585 гг. со времен Г. Ф. Миллера нередко считается поход казаков, овладевших ханской столицей, на Тавду.¹ Исследователи расходятся лишь в датировке этого похода и определении его целей. Некоторые историки подобно Г. Ф. Миллеру думали, что ермаковцы побывали на Тавде в 1583 г.,²

* Исследование осуществлено в рамках исполнения государственных работ в сфере научной деятельности, задание № 2014/801.

¹ См., напр.: *Шульгин И.* Происхождение казачества на южном рубеже Руси; появление Ермака и завоевание им царства Сибирского // *Труды Российской Академии.* Т. 5. СПб., 1842. С. 248; *Дмитриев А.* Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Вып. 5. Пермь, 1894. С. 178, 183; *Сергеев В. И.* К вопросу о походе в Сибирь дружины Ермака // *ВИ.* 1959. № 1. С. 126, 127; *История Урала: В 2 т.* Т. 1. Пермь, 1976. С. 51; *Кружинов В. М.* Ермак // *Большая Тюменская энциклопедия.* Т. 1. Тюмень, 2004. С. 431; *Кружинов В. М., Сокова З. Н.* Последнее сражение Ермака: исторические источники и исследования // *Вестник Тюменского. гос. ун-та.* 2007. № 1. С. 149; *Сибирь: Атлас Азиатской России.* Новосибирск; М., 2007. С. 505; *Коблова Е. Ю.* Пелымское княжество, Сибирский юрт, Русское государство: военно-политические контакты во второй половине XV — конце XVI в. // *Нижнетавдинский район: история и перспективы развития. Региональная научно-практическая конференция.* Тюмень, 2008. С. 79; *Полищук В. В.* По следам экспедиции Ермака: Паченка — Тюмень транзит... // Там же. С. 101.

² *Щеглов И. В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут, 1993. С. 40; Югорск: от легенды до точки на карте. Екатеринбург, 1997. С. 49; *Березиков Н. А.* Сибирская экспедиция Ермака: военная тактика казаков // *Первые Ермаковские чтения «Сибирь: вчера, сегодня, завтра».* Материалы региональной научной конференции 21 декабря 2008 г., г. Новосибирск. Новосибирск, 2009. С. 113, и др. По утверждению Н. А. Березикова, одновременно ермаковцы разбили татарское войско у Абалака. Но сражение там произошло в начале декабря 1582 г.

другие — в следующем.³ При этом, как думалось Н. А. Лапину, казаки хотели получить передышку накануне решающих боев за Искер. По летописным свидетельствам, однако, «Сибирское взятие» предшествовало походу на Тавду. С точки зрения Р. Г. Скрынникова, казаки двинулись туда, чтобы вернуться в Россию и установить удобный путь от Пелыма до Кашлыка; Ермак имевший и без того малочисленный отряд, не рискнул штурмовать укрепленное городище пелымского князя Аблегирима и вернулся в Искер. Позднее видный историк усомнился в том, что по Тавде русские собирались уйти на Русь, это можно было сделать привычным путем через Печору; в действительности «товарство» намеревалось покорить Пелымское княжество, но казаков постигла неудача.⁴ Как представлялось Д. И. Копылову, ермаковцы отправились на Тавду летом 1584 г., дабы разведать пути, которыми можно было возвратиться в русские земли.⁵ По словам Н. И. Никитина, «заждавшихся помощи казаков неудержимо тянуло на Русь», почему они и двинулись вверх по Тавде против Пелымского княжества; но «от уральских предгорий» ермаковцам пришлось повернуть «обратно в Сибирь».⁶ (Граница Сибирского ханства на северо-западе проходила по среднему течению Тавды⁷). С точки зрения А. Т. Шашкова, излагавшего версию Кунгурской летописи (далее — КЛ), летом 1583 г. (получается, что после «Сибирского взятия» и успешного похода в Обь-Иртышье) «Ермак предпринял попытку вывести свой поредевший отряд «вспять на Русь» через

³ История казачества Азиатской России: В 3 т. Т. 1. Екатеринбург, 1995. С. 25; *Файзрахманов Г.* История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). Казань, 2002. С. 200–201; *Зуев А. С.* Ермаковы казаки // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1. Новосибирск, 2009. С. 536; *Солодкин Я. Г.* 1) О двух спорных проблемах «Сибирского взятия» // Актуальные вопросы истории Западной Сибири. Сургут, 2010. С. 7; 2) «Ермаково взятие» Сибири: загадки и решения. Нижневартовск, 2010. С. 97. Весной — в начале лета 1584 г. Кашлык осаждался Карачей, а следом Ермак выступил в поход, ставший для «ратоборного» атамана последним. Предыдущий год отмечен пленением казаками царевича Маметкула и их экспедицией до Белогорья. Поэтому если поход ермаковцев в Пелымскую землю и состоялся, то скорее всего в 1583 г.

⁴ *Лапин Н.* Военное искусство в сибирских походах Ермака // ВИЖ. 1966. № 1. С. 43; *Скрынников Р. Г.* 1) Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1986. С. 242–244, 246; 2) Ермак. М., 2008. С. 133–135, 176.

⁵ *Копылов Д. И.* Ермак. Иркутск, 1989. С. 125, 156, 161.

⁶ *Никитин Н. И.* 1) «За други своя» // ВИЖ. 1993. № 6. С. 86; 2) Ермак // Исторический лексикон: XIV — XVI века. Кн. 1. М., 2001. С. 487.

⁷ См.: *Матвеев А. В., Татауров С. Ф.* Границы Сибирского ханства Кучума // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы Международной конференции: г. Курган, 22–23 апреля 2011 года. Курган, 2011. С. 73–75. Ср.: *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. 3. Ч. 2. М., 1955. С. 143; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. М., 1999. С. 468–469.

владения пелымского князя Аблегирима и его союзников, но, потерпев неудачу, вернулся в октябре назад». А. Т. Шашков же находил, что после гибели своего предводителя одни ермаковцы решили вернуться обратно, а другие продолжали оставаться в Искере, дожидаясь помощи из Москвы; не сумев преодолеть сопротивления пелымских вогулов, чтобы пробиться в бассейны Лозьвы и Вишеры, казаки атамана Матвея Мещеряка возвратились на Тобол, где разделились: часть зазимовала на Карачином острове в устье этой реки, отказавшись соединиться с «сидевшими» в Кашлыке, а «мещеряковцы» прежним, «чрезкаменным», путем ушли на Русь и к весне 1585 г. достигли волжских берегов, влившись здесь в ряды местной казачьей вольницы. По заключению А. Т. Шашкова, когда в Искере водворился Сейдяк, одолев наследника Кучума Али (Алея), «православные вои», расположившиеся на Карачином острове, по Тоболу тоже отправились в русские земли. Как пояснял видный сибиревед, «эпизоды об уходе на Русь казаков Матвея Мещеряка и о водворении некоторых из них на Карачин остров реконструируются на основании данных Строгановской и Кунгурской летописей, восходящих к рассказам очевидцев».⁸ Но в первой из них говорится лишь о том, что Мещеряк, отправившийся на Русь после гибели Ермака, вскоре вернулся в город Сибирь. Согласно КЛ, русские согнали Карачу с острова на Карачином озере в канун нового похода, а возвратившись с Тавды, «начальный атаман» и зазимовал на этом острове.⁹

Заметим, что в Погодинском летописце (далее — ПЛ), который А. Т. Шашков справедливо признавал самым надежным источником по истории «Сибирского взятия», о расколе казачьей «дружины»

⁸ Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995. С. 91; Шашков А. 1) Пути за «Камень» и сибирский поход Ермака // Югра. 1997. № 4. С. 26; 2) Гибель Кучумова «царства». Еще раз о походе Ермака: новая версия // Родина. 2002. Тропой стран полуночных. С. 77; Очерки истории Югры (далее — ОИЮ). Екатеринбург, 2000. С. 118–119, 133–134. Примеч. 36; Русское старожильческое население Югры в конце XVI — середине XIX вв.: Исследовательские материалы и документы. М., 2007. С. 28, 37. Примеч. 98. С точки зрения А. Т. Шашкова, ермаковцы собирались в поход против пелымского князя в конце лета — начале осени 1582 г., но затем решили двинуться во владения Кучума.

Подчас считается, что отряд Матвея Мещеряка вернулся на Русь по Иртышу и Соби либо «в строгановские земли печорским путем». См.: ПЛДР: XVII век. Кн. 2. М., 1989. С. 703; Гасников А. Г. Еще раз о походе Ермака Тимофеевича в Сибирь // Казачество: Проблемы истории и историографии. Материалы 28-й всероссийской заочной научной конференции. СПб., 2003. С. 23.

⁹ Сибирские летописи: Краткая сибирская летопись (Кунгурская) (далее — СЛ). Рязань, 2008. С. 38, 39, 83–86, 102–103, 416, 417. Как читаем в Ремезовской летописи (далее — РЛ), Карачино зимовье располагалось на острове. В этой «Истории» сказано и о городке (граде) Карачи (Там же. С. 327, 328, 418, 419).

с гибелью ее предводителя не сказано,¹⁰ как и об уходе на Русь отряда Мещеряка. Возможно, однако, что оставшись без своего «наставника», часть ермаковцев во главе с Матвеем Мещеряком, действительно, решила не проводить третью подряд зиму в Кашлыке в ожидании служилых людей, надежда на появление которых могла считаться призрачной, а отступить, пока еще реки не покрылись льдом, в Прикамье и Поволжье. Но едва ли стоит предполагать, что «мещеряковцы» двинулись обратно по Тавде, а потерпев неудачу, вернулись на Тобол и оттуда направились «в Русь». Лишена оснований и мысль о том, что часть ермаковцев, не последовавшая за Мещеряком, отказалась присоединиться к своим соратникам, находящимся в Искере, и зазимовала на Карачином острове, а затем самостоятельно покинула Сибирь (почти одновременно это сделали и ратники стрелецкого головы И. В. Глухова).

Не исключено, что Мещеряк оставил город Сибирь еще до того, как стрелецкий голова И. С. Киреев с атаманом Иваном Грозой повезли царевича Маметкула в Москву. (А. Т. Шашков считал, что Мещеряк покинул Сибирь в конце лета 1584 г. и воевал на Тавде, когда по Тоболу проплывали стрельцы князя С. Д. Болховского, направлявшиеся в Кашлык¹¹). В таком случае выдавать Матвея Мещеряка за последнего атамана «войска» Ермака¹² не приходится.

В челобитной (1653 г.) головы тобольских конных казаков Гаврилы Грозина утверждается, что его отец Иван «взял Сибирь» вместе с Ермаком, «ставил» Тобольск, Тару, Томск, «поймал» и доставил

¹⁰ Д. Я. Резун полагал, что появление в Кашлыке стрельцов привело к расколу в казачьей среде: одни согласились поступить на государеву службу, другие же желали сохранить волю; последние могли отойти в Березов и Мангазею, принять сторону какого-либо татарского мурзы или Сейдяка (*Резун Д. Я.* Куда и с кем ушли казаки после гибели Ермака? // *Известия Сибирского отделения АН СССР. Сер. обществ. наук.* 1981. № 11. Вып. 3. С. 19, 20). Но Березов и Мангазея возникли значительно позднее. Не проще ли казакам было вернуться на Волгу, Яик или Дон?

¹¹ ОИЮ. С. 118–119; *Шашков А.* Лодейный город // *Родина.* 2004. Спец. вып.: Тобольск — живая былина. С. 10. О приглашении Строгановыми в свои городки Мещеряка наряду с другими волжскими атаманами — Ермаком, Никитой Паном, Иваном Кольцо, Яковом Михайловым — «слогателью» Строгановской летописи (далее — СтЛ), видимо, было известно по материалам вотчинного архива прикамских солепромышленников. О последующей же судьбе Мещеряка представивший его одним из главных героев «одоления Сибирской земли» строгановский «историограф» скорее всего сообщил понаслышке.

¹² Так вслед за Н. М. Карамзиным поступил Н. А. Мининков, забывая про пережившего своего «наставника» Ивана Грозу. См.: *Мининков Н. А.* Неизвестная страница историографии похода Ермака: ростовская рукопись // *Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв.* Новосибирск, 2005. С. 60.

в Москву сыновей Кучума.¹³ Видимо, в челобитной подразумевается Маметкул, которого вместе со стрельцами И. С. Киреева сопровождал в «царствующий град» Иван Гроза (Гроза Иванов). Казаки же, очутившиеся под началом Глухова, видимо, вскоре остались без атамана. Возможно, Матвей Мещеряк, не желая с прибытием в Кашлык отряда воеводы князя С. Д. Болховского (быстро умершего) и головы Глухова находиться у них в подчинении, как и думалось А. Т. Шашкову, покинул Сибирь¹⁴ и вскоре оказался на Яике и в Поволжье.

Примечательно, что в синодике «ермаковым казакам» (далее — С) нескольких редакций и возникших примерно полтора десятилетия спустя, в середине 1630-х гг., Есиповской и Строгановской летописях,¹⁵ а также вторичных разновидностях последних¹⁶ говорится о походах «храброго русского полка» (вслед за падением Кашлыка) по Иртышу, Оби и Вагаю, но о боях «единодушной дружины» с пелымцами не сообщается. Об этих боях умалчивается и в ПЛ, сохранившем оригинальные сведения про Аблегирима.¹⁷ О «повоевании» ермаковцами бассейна Тавды не сказано и в одной челобитной, где упоминается о предыстории «Пелымского города».¹⁸

Отсутствие даже глухих указаний на тавдинскую экспедицию казаков в С, восходящем к «написанию» соратников бесстрашного атамана, и Повести о Сибири и о сибирском взятии (вышедшей из-под

¹³ См.: Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 81.

¹⁴ Считать, что позднее, в 1585 г., вместе с Глуховым Сибирь покинул атаман Савва Болдыря, не приходится. См.: Солодкин Я. Г. Являлся ли атаман Савва Болдыря участником «Сибирского взятия»? // История и краеведение Западной Сибири: проблемы и перспективы изучения. Сборник материалов IV Региональной научно-практической конференции с международным участием в ИГПИ им. П. П. Ершова 7–8 ноября 2012 г. Ишим, 2013. С. 28–30

¹⁵ См.: СЛ. С. 28–29; ПСРЛ. Т. 36. М., 1987. С. 60, 63, 71, 72, 380, 381. Ср.: С. 78.

¹⁶ См.: СЛ. С. 74; ПСРЛ. Т. 36. С. 34, 39, 40, 86, 87, 94, 95, 112–114, 124, 125, 134, 138, 184, 185, 189, и др.

¹⁷ См.: ПСРЛ. Т. 36. С. 130, 136. Вопреки утверждению Р. Г. Скрынникова, атаман Никита Пан погиб не тогда, когда ермаковцы пытались подчинить Пелымское княжество (Скрынников Р. Сибирская одиссея // На суше и на море. Повести. Рассказы. Очерки. Статьи. Вып. 20. М., 1980. С. 186), а в походе, кульминацией которого явилось взятие Назимского городка. Кстати, в ранних редакциях С умалчивается о гибели атамана Якова Михайлова (вслед за убийством «в плену» Ивана Кольца с четырьмя десятками «человек товариства»), про которого сообщается в СтЛ, если только это не Яков, названный первым среди сподвижников Ермака, павших вместе с ним «близ Вагайского устья на перекопи» (ПСРЛ. Т. 36. С. 78, 380, 381).

¹⁸ См.: Корецкий В. И. Из истории заселения Сибири накануне и во время «смуты» (конец XVI — начало XVII в.) // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма). М., 1973. С. 39.

пера Саввы Есипова) ранее объяснялось тем, что ко времени создания этих произведений никого из участников похода против «пелымских людей» не осталось в живых.¹⁹ Получается, что о нем не помнил ни один из ветеранов (вместе со своими соратниками «сбивших» «с куреня» сибирского «салтана»), участвовавших в составлении «написания» или свидетельства которых использовали тобольские и сольвычегодские летописцы, хотя им было известно о Тавде (в устье этой реки, оказывается, ермаковцы пленили придворного Кучума, татарина Таузака, рассказавшего им о Сибирском ханстве²⁰).

Есиповская и Строгановская летописи запечатлели такие события начала знаменитой экспедиции, про которые мы не прочтем в С, как «брань велия» возле урочища Бобасан, взятие улуса Карачи и городка мурзы Аттика, сражение с «погаными» на берегу Иртыша, сооружение «кучумлянами» засеки у Чувашевой горы, на которой расположился «беззаконный царь». В тех же летописях отразились мелкие обстоятельства «пошествия» «крестоносного» атамана с «товарством» во владения Кучума (татары безуспешно обстреливали казаков из-за горы, когда те плыли по Тоболу, захватив улус Карачи, русские «царева меду в струги своя снесоша», вскоре после занятия ермаковцами города Сибири туда с дарами и запасами явился остяцкий князь Бояр, во время экспедиции по Иртышу и Оби казаки взяли Назымский городок, «нечестивые», узнав об истреблении Карачей отряда Ивана Кольца, стали убивать ермаковцев «по волостем и улусом»; определяется местопребывание Карачи, оставившего хана²¹), однако поход, ставший в глазах многих ученых значительным эпизодом «покорения Сибири», в названных сочинениях не нашел отражения.

Об этом походе сказано только в РЛ, появившейся на рубеже XVII — XVIII вв., и включенной в ее состав КЛ, которая подчас датируется первыми годами после «Ермакова взятия» «Кучумова царства», но чаще всего следующим веком, нередко его второй половиной, и считается²² вышедшим из казачьей среды, отразившим казачий фольклор либо близким к нему.

¹⁹ Солодкин Я. Г. 1) О двух спорных проблемах... С. 6; 2) «Ермаково взятие» Сибири... С. 96.

²⁰ СЛ. С. 16, 64, 99; ПСРЛ. Т. 36. С. 51. Ср.: С. 131.

²¹ См.: СЛ. С. 19–21, 28, 34. 66, 67, 73, 79, 99–100; ПСРЛ. Т. 36. С. 52, 53, 56, 60–62.

²² См.: Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. М., 1955. С. 41; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 414; История русской литературы. Т. 2. Ч. 2. М.; Л., 1948. С. 90, 92, 281; Дергачева-Скоп Е. Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск, 1965. С. 98,

Как повествуется в РЛ, в 7088 (1579/80) г., еще до вторжения в Сибирь, вогулы «покорилишася (русским. — Я. С.) до Тавды; и воеваша во всю землю Пелынские уезды до весны».²³ Через три года, в 7091 (1582/83), Ермак, по свидетельствам С. У. Ремезова, захватил в низовьях Иртыша «все городки Кодские и Назымский городок», вернувшись из похода 20 июня, а уже 1 июля «ездили (казаки. — Я. С.) воевать по Тавде, взял (их предводитель. — Я. С.) Лабутинской городок, князца Лабуту с богатством, и Паченку», где «бой великий бе, яко Поганое озеро наполнил (атаман. — Я. С.) трупами; тожь и Кошуки, Кондырбай (по допущению Г. Ф. Миллера, Чандыр. — Я. С.) и Табары». В С из РЛ (на основании «помянника» тобольского Софийского собора²⁴) под июнем — июлем 7089 (1581) г. читаем

143. Ср.: С. 121; *Преображенский А. А.* 1) Урал и Западная Сибирь конца XVI — начала XVIII века. М., 1972. С. 48; 2) «Веков связующая нить»: Преемственность военно-патриотических традиций русского народа (XIII — начало XIX в.). М., 2002. С. 87; *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. С. 65, и др. Иногда, хотя, думается, без веских оснований, КЛ принимается за сочинение, сложившиеся в кругу ермаковцев (*Дергачева-Скоп Е.* 1) Из истории литературы... С. 77, 96; 2) Заметки о жанре «Истории Сибирской» С. У. Ремезова. Статья 1 // Вопросы русской и советской литературы Сибири. Материалы к «Истории русской литературы Сибири». Новосибирск, 1971. С. 59; *Мирзоев В. Г.* Историография Сибири (Домарксистский период). М., 1970. С. 17; *Алексеев В. Н.* 1) Кунгурская летопись в составе «Истории Сибирской» С. У. Ремезова // Становление системы библиотечного обслуживания и книжного дела в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1977. С. 80. Ср.: С. 83; 2) «История Сибирская» С. У. Ремезова в литературном процессе второй половины XVII века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1988. С. 12. Ср.: С. 4; Очерки русской литературы Сибири: В 2 т. Т. 1. Новосибирск, 1982. С. 98. Ср.: С. 74, 75; *Преображенский А. А.* Некоторые итоги и спорные вопросы изучения начала присоединения Сибири к России (По поводу книги Р. Г. Скрынникова «Сибирская экспедиция Ермака») // ИСССР. 1984. № 1. С. 109; *Дергачева-Скоп Е., Алексеев В.* «Философии разных наук употребляющий...»: Семен Ремезов — тобольский просветитель XVII века // Тобольск и вся Сибирь. № 1. Тобольск, 2004. С. 168). Считается также, что КЛ полностью основан на «устной летописи» (Крестыанство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 428, и др.).

Подробнее об оценках КЛ см.: Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории. Ч. 2. Нижневартовск, 2007. С. 88–95.

²³ В Лихачевском виде Есиповской летописи сообщается, что ермаковцы в «Пелынскую землю пришли», направляясь в «царство» Кучума, ее князь со своими людьми «нача казаков переимати на приметных местех», и атаманы «с товарищи» «пелынцов всех побиша и много у пелынцов соболиной казны взяша»; упомянутый князь известил хана о появлении казаков. (Возможно, это предание возникло в Среднем Поволжье). Следом «пелынцы» названы среди подвластных Кучуму «языков», о чем в сочинении Есипова не говорится См.: ПСРЛ. Т. 36. С. 120, 121, 123.

Мнение, что второе из приведенных свидетельств о пелымском князе заимствовано из СтЛ (*Покровский Н. Н., Ромодановская Е. К.* Предисловие // Там же. С. 18), неверно.

²⁴ Возможно, С. У. Ремезов был причастен к созданию данного С.

о «войне» ермаковцев в низовьях Иртыша, по Оби и Тавде, когда были заняты Назымские, Кодские и Лабутинские городки». Согласно же КЛ, еще до «Сибирского взятия», 1 августа 7087 (1579) г., казаки согнали мурзу Карачу с острова на Карачинском озере «и восхотеша возвратитися въспять в Русь, и погребоша вверхъ по Тавде реке, воюя с устья вверхъ обои Красноярскую и Калымскую волости и Лабутана со княжцы, и со всеми безотъступно бишася и безвозвратно до Паченки», и «татаръ прибиша до единаго, и Печенег княжца убиша, и наполниша трупом озеро, и то слово и до ныне Банное Поганое»; отсюда 6 августа²⁵ «погребоша вверхъ по Тавде ... в Кошуки». Вскоре, как узнаем из КЛ, ермаковцы достигли владений пелымского князца Патлика,²⁶ а узнав, что нет пути «за Камень в Русь», вернулись вниз по Тавде 4 октября (получается, 7088 или 1579 г.), собирая «хлеб въ ясак».²⁷ 8 ноября, — продолжает летописец, — казаки приехали на Карачино озеро, откуда 5 марта Ермак отправил пятидесятника Богдана Брызгу «все Назымские волости пленить и привести к вере, и собрать ясак вдоволь розкладом поголовно».²⁸

²⁵ Эта дата вызвала сомнения уже у Г. Ф. Миллера, считавшего, что повествование о казачьем походе на Тавду, читающееся в КЛ, вообще анахронистично, скорее всего ввиду его позднего происхождения.

²⁶ В других источниках Печенег и Патлик среди пелымских князцов не значатся. См.: *Шашков А. Т.* Югорские князья в XV–XVIII вв. // Северный регион: Наука. Образование. Культура. 2001. № 1 (3). С. 174.

²⁷ С. В. Бахрушину последнее замечание казалось достоверным, хотя иногда он сомневался в том, что ермаковцы побывали на Тавде (*Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 94, 146; Ч. 2. С. 98. Ср.: С. 147; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. М., 2000. С. 644). Д. Я. Резун и Р. С. Васильевский убежденно пишут о сборе прославленным атаманом хлеба «в ясак» (*Резун Д. Я., Васильевский Р. С.* Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. С. 16).

²⁸ СЛ. С. 317, 323, 325–327, 339, 353, 407, 416–418, 430, 444. Указание на изображение в КЛ похода Брызги в «Пелымские волости» (ПЛДР: XVII век. Кн. 2. С. 698; *Кианова О. Н.* Поздние летописи в истории русского литературного языка: Конец XVI — начало XVII веков. СПб., 2010. С. 246) неверно.

Заметим, что свидетельство ремезовского С о гибели ста семи ермаковцев «под Чюваши от Кучюма» явно противоречит известию тобольского «писателя» про «первое убиение казаком в Сибири» на Абалацком озере (Там же. С. 559, 568, и др. Ср.: *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. С. 241). Кстати, по словам С. У. Ремезова, привезенных в Москву Сейдяка, Салтана и Карачу «повеле ... государь (Федор Иванович. — Я. С.) крестити» (Там же. С. 566, и др.). Но они носили прежние имена и после того, как очутились в «царствующем граде» (см., напр.: *Беляков А. В.* 1) Ураз-Мухаммед ибн Ондан // Мининские чтения. Труды научной конференции. Нижний Новгород, 2007. С. 31–33, 60; 2) Как звали большого сибирского Карачу? // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы II Всероссийской научной конференции: г. Курган, 17–18 апреля 2014 года. Курган, 2014. С. 63), так что данное сообщение «Истории Сибирской» ошибочно.

Несмотря на расхождения в датировках (в РЛ события, о которых идет речь, приурочены к 7091 и 7089 гг., в КЛ — к 7087 г.), близость приведенных рассказов очевидна. В них упоминается о взятии Лабутанского городка (Лабутанских городков) и пленении Лабуты (РЛ), «войне» с последним (КЛ), сражении в Паченке, где озеро, прославившее Поганым (Банным Поганым),²⁹ Ермак наполнил трупами, боях в Кошуках. Если верить «Истории Сибирской» С. У. Ремезова, сражения с вогулами происходили также в Кондырбае и Табарах; в КЛ перечислены другие волости — Красноярская и Калымская, названы в отличие от РЛ князцы Печенег и Патлик, говорится о сборе хлеба «въ ясак» на Тавде. Кроме того, в поход по этой реке, как утверждал С. У. Ремезов, ермаковцы двинулись 1 июля, согласно же КЛ, — ровно месяц спустя. Видимо (он поступал так и в других случаях), создатель «Истории Сибирской» заимствовал из явно более содержательной КЛ и сведения о «войне» в Паченке.³⁰

Как писал однажды С. В. Бахрушин, в 1582 г. «находившиеся на службе у Строгановых казаки воевали «Пелымские уезды»»,³¹ но по примеру Г. Ф. Миллера позднее об этом умолчал, хотя полагал, что экспедиция Ермака должна была преследовать отчасти карательные цели», т. е. связана с набегом 1581 г. пелымских мансеев на земли Прикамья.³²

В оценке Р. Г. Скрынникова в ремезовском повествовании (включая КЛ) о тавдинском походе достоверные сведения затруднительно отделить от легендарных.³³ Обратим внимание на то, что к 1 августа в КЛ отнесено изгнание ермаковцами Карачи с острова на Карачинном озере. В РЛ же к этому числу приурочены взятие казаками Тюмени, их выступление «на город Карачинъ», прибытие к Ермаку

²⁹ Н. А. Березикову же представляется, что оно так называлось уже в пору экспедиции Ермака.

³⁰ Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 60–61.

³¹ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 143.

³² См.: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 484.

³³ Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 243. Ср.: С. 205. Еще Н. М. Карамзин находил, что «известие (КЛ. — Я. С.) о сем походе не весьма достоверно» (Карамзин Н. М. История Государства Российского. Кн. 3. Т. 9. М., 1989. С. 236).

Р. Г. Скрынников признавал явно ошибочными «точные даты», которыми насыщены РЛ и КЛ (Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 71, 151, 241, и др.). Подробнее об анахронизмах в «Истории Сибирской» см.: Солодкин Я. Г. Вослед Савве Есипову: Очерки по истории сибирского летописания середины — второй половины XVII века. Нижневартовск, 2011. С. 172–191.

Кстати, принимать ее за официальную летопись (Киянова О. Н. Поздние летописи... С. 245) неправомерно.

вестников «из степи», сражение на озере Чиликуле между «кучум-лянами» и служилыми людьми князя В. В. Кольцова-Мосальского.³⁴ 6 августа же, когда, по сообщению «слогателя» КЛ, казаки «погребоща вверхъ по Тавде ... в Кошуки», — это день гибели «храброго смлада» атамана.

Таким образом, КЛ (как не раз отмечалось в историографии, запечатлевшая устную традицию, бытовавшую в казачьей среде на протяжении многих десятилетий), вероятно, стала одним из источников повествования С. У. Ремезова о пребывании «дружины» Ермака в верховьях Тавды,³⁵ — повествования, которое анахронистично и не находит параллелей в куда более ранних летописных сочинениях и С старших редакций. Поэтому, думается, пелымский поход «русского полка» следует причислить, согласно классификации Е. К. Ромодановской, к вымышленным событиям (одним из них может считаться поездка казаков с сеунчем ко двору Ивана IV, о которой поведал еще Савва Есипов). Возможно, летописная версия этого похода сложилась под влиянием воспоминаний о враждебных действиях Аблегирима против русских накануне «Сибирского взятия» (в «опальной» грамоте первого московского царя Строгановым даже говорится о «посылке» ими волжских атаманов и казаков «воевати ... пелымские ... места», «вогуличи»).³⁶

³⁴ См.: Солодкин Я. Г. Из наблюдений над хронологией «Истории Сибирской» С. У. Ремезова // Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII–XIX веков. Tobольск, 2005. С. 125, 126, и др.

³⁵ Вывод о том, что С. У. Ремезов располагал протографом КЛ (Шашков А. Проезжая через Самарово: Из прошлого столицы Югорского края // Родина. 2007. № 10. С. 45), остался без обоснования.

³⁶ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 335, 336, 475–476, 484. См. также: ПСРЛ. Т. 36. С. 130.

С. Н. Кустерев

АРХЕОГРАФИЯ МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ХАРИБДОЙ

С удивительным постоянством отечественные археографы каждого поколения занимаются вопросом о принципах публикации разнообразных исторических материалов. В результате таких обсуждений всякий раз разрабатываются некие правила, срок жизни которых как практически используемого руководства оказывается весьма непродолжительным. И снова обсуждение, снова выработка правил или рекомендаций. Иной раз складывается впечатление, что публикуемые археографами-методистами рекомендации остаются безадресными, а правила — необязательными, что цели их разработчиков крайне далеко отстоят от реальных потребностей археографии.

Можно заметить, что очередной этап дискуссии всегда совпадает с провозглашением грандиозной программы нового издания, будь то акты Русского государства XVI в. или документы Литовской метрики, или что-то иное. Проводятся совещания, созываются конференции, вырабатываются правила, которые касаются основ публикации только данного вида материалов и снова оказываются необязательными для исполнителей проекта, что, естественно, вызывает возмущение у их разработчиков. Именно так получается теперь с проектом издания документов Литовской метрики. Появившиеся почти три десятилетия назад правила на практике в части способа воспроизведения текста оказались невостребованными, что стало поводом для О. И. Хоруженко выступить с изложением собственного взгляда на то, как следует готовить тексты к публикации.¹ При этом автор рассуждения не ограничился только книгами метрики, но коснулся проблемы более широко, что позволяет не причастным к проекту издания Литовской метрики присоединиться к обсуждению.

¹ Хоруженко О. И. Современные принципы публикации актов Литовской метрики // Археографический ежегодник за 2011 год. М., 2014. С. 347–364.

Для начала заметим, что причастные к археографии постоянно рассуждают о публикации «актов», «документов» или «источников», что по существу неверно. В осуществленных до сих пор публикациях представлены не акты, документы или источники, но лишь их тексты или изображения. Публикация акта и прочего в полном виде невозможна, поскольку нельзя полностью воспроизвести хотя бы носитель текста или изображения, адекватно передать состав чернил или красок и т. п. Поэтому, отрешаясь от профессионального жаргона, следует говорить о частичной публикации документа.² Это тем более существенно, что уже само по себе заставляет археографа и потребителя результатов его труда помнить, что никакая публикация не позволяет исследователю-источниковеду в своей работе ограничиваться ею одной, что в зависимости от предмета исследования может возникнуть потребность обращаться к сохраняющемуся в архивохранилище подлиннику.

На первый взгляд, наше предварительное замечание не касается рассуждений О. И. Хоруженко, для которого главным представляется вопрос о точности воспроизведения публикатором орфографии текста. Будучи явным сторонником буквального воспроизведения орфографии оригинала, Хоруженко, естественно, опирается на мнение С. М. Каштанова, для которого, будто бы, отказ некоторых археографов от буквализма является проявлением произвола.³ При этом автор ссылается на вполне определенное место в сочинении С. М. Каштанова. Обращение к соответствующей странице в книге цитируемого автора показывает некоторый произвол со стороны самого О. И. Хоруженко. У С. М. Каштанова в повествовании о разработке правил издания актов Русского государства сказано: «Радикальность решения вопроса состояла в том, что отныне и для публикаций актов XVI–XVII вв. признавалось важным передавать надстрочные буквы курсивом, а буквы, недостающие при аббревиатурах и выносных, вставлять в круглых скобках. Нарушая это правило, археографы творят грамматический произвол, то вставляя, то не вставляя отсутствующие буквы ь, ъ, и и др. Говоря, что для историков такие „мелочи“ не имеют значения, публикаторы бросают вызов не только филологической науке, но и дипломатике, палеографии и другим вспомогательным дисциплинам».⁴ Очевидно, что процитированное

² Тем самым теряет актуальность отстаивание «права источника на полноценную жизнь в исторической публикации» (*Новохатко О. В.* «Генеральный регламент» актовой археографии (О книге С. М. Каштанова) // Археографический ежегодник за 1999 год. М., 2000. С. 307).

³ *Хоруженко О. И.* Современные принципы... С. 349.

⁴ *Каштанов С. М.* Актовая археография. М., 1998. С. 235.

у О. И. Хоруженко о произволе относится в оригинале совсем не к отказу от воспроизведения всех знаков подлинника документа, а к несоблюдению определенных правилами И. А. Булыгина нормы об употреблении курсива и скобок. Трудно понять, зачем О. И. Хоруженке потребовалось переиначивать сказанное С. М. Каштановым, но, явно, это произошло не случайно, почему к изложению чужих мнений автором статьи следует относиться осторожно, по возможности проверяя правильность пересказа и даже цитирования.

У самого С. М. Каштанова, действительно, есть место, подтверждающее собственное пристрастие к буквализму при воспроизведении текста. На той же странице находим: «Вместе с тем при издании текстов XVI–XVII вв. следовало бы воспроизводить и другие древнерусские буквы, поскольку их употребление представляет интерес для палеографии, истории канцелярий и орфографии».⁵ Здесь заслуживает внимания попытка автора пояснить целесообразность буквалистского подхода, ссылаясь на интерес специалистов в отдельных областях, который и способна удовлетворить только такая передача текста на печати.

В своей статье О. И. Хоруженко посетовал, что оппоненты С. М. Каштанова уделили мало внимания анализу выдвинутых им соображений, что их аргументы направлены на обсуждение трудностей типографского набора, возрастания вероятности ошибок, потребностей абстрактного историка, готового удовольствоваться «смысловым содержанием» источника, хотя историческая наука уже прошла большой путь и современные историки и источниковеды нуждаются именно в воспроизведении тех особенностей написания текстов, которые сторонниками «грамматического произвола» предлагается игнорировать. «Именно эти особенности, — по мнению О. И. Хоруженко, — способны содействовать приращению исторического знания средствами палеографии, дипломатики, кодикологии, филологического и иных отраслей исторического знания, позволяющих работать с источником на принципах интенсивности».⁶ Признавая, что современная техника предоставляет возможность обойти трудности с типографским набором экзотических знаков, заметим, что даже она не дает гарантий от дополнительного числа ошибок при печатании с использованием всех особенностей орфографии. Однако не это главное, и следует внимательнее отнестись к указаниям С. М. Каштанова и вторящего ему О. И. Хоруженки на полезность или даже необходимость буквалистского подхода для целых направлений исследований.

⁵ Каштанов С. М. Актовая археография. С. 235.

⁶ Хоруженко О. И. Современные принципы... С. 349–350.

Правда, именно теперь для оппонентов С. М. Каштанова и О. И. Хоруженки начинаются настоящие трудности, поскольку за декларируемыми пожеланиями обоих авторов не следует ни одного примера, подтверждающего их правоту. Например, совершенно непонятно, каким образом воспроизведение некоторых кириллических знаков, читающихся в публикуемом тексте, будет способствовать кодикологическому исследованию содержащей его рукописи. Возможно, имеется в виду способность кого-то из исследователей таким образом установить подлинную длину строки. Однако без приведения примеров отдельных букв и такое невозможно.⁷ Столь же трудно себе представить исследователя, который по печатному тексту занимался бы изучением палеографических особенностей той же рукописи, тем более, в части определения почерков или форм отдельных графем. Что касается дипломатики, то сохранение каких-либо букв окажется недостаточным, поскольку некоторое значение имеют начертанные красящими веществами символические знаки или даже вышитые нитками буквы при креплениях печатей.⁸ Если же под дипломатикой понимается изучение формуляра текста, то никто не показал, что использование графем существенно или хоть как-то влияло на этот формуляр. Наконец, даже не догадываемся, как использование тех или иных букв при написании текста связано с особенностями водяного знака на применяемой при этом бумаге. Никому не удалось выявить проявление внимания со стороны русских средневековых писцов по отношению к видимому на просвет изображению. Тем самым, утверждение как самого С. М. Каштанова, так и его активного союзника, будто строгое сохранение всех видов букв при воспроизведении публикуемого текста обязательно для проведения успешных исследований в некоторых областях, представляется необоснованным.

Конечно, более актуальным видится желание предоставить путем буквального воспроизведения текста материал для исследователей-лингвистов. Однако, как показывает практика, любая степень приближения типографского шрифтового воспроизведения оказывается недостаточной. В свое время один из археографов, подготовивших

⁷ Впрочем, О. И. Хоруженко ссылается на собственный опыт кодикологического изучения рукописи книги Литовской метрики, нашедший отражение в статье 2008 г. (Хоруженко О. И. Современные принципы... С. 355), тогда как публикация этой книги появилась лишь в 2012 г. и никак не могла стать основой при исследовании оригиналов текстов.

⁸ Примеры последнего см.: Новикова О. Л. Особенности креплений вислых печатей иерархов Северо-Восточной Руси в конце XIV — XVI вв. // Вестник «Альянс-Архео». Вып. 5. М.; СПб., 2014. С. 3–19.

целый ряд публикаций так называемого лингвистического типа, предлагал своим коллегам, занимающимся исследованиями языка этих же памятников, обращаться всякий раз к рукописям, полагая любое издание неспособным заменить оригинал.⁹ И здесь стоит вспомнить о наличии устройств, позволяющих воспроизводить внешний вид рукописи, предоставляя исследователю работать с текстом оригинала на удалении от него. Впрочем, это только для людей, чьи способности простираются несколько далее умения обращаться с перьевой ручкой или пишущей машинкой, и никто не в праве требовать того же от всех прочих. Правда, и эти прочие не должны предъявлять свои претензии по поводу небуквальной передачи текста при издании.

Фототипическое издание на электронном носителе — естественный выход из положения для тех, кто предпочитает работать с текстом в его первозданном виде. Однако это будет означать, что речь идет о простом «размножении манускриптов», что, по мнению О. И. Хоруженки, является весьма архаичной позицией.¹⁰ В подтвер-

⁹ «Оптимальной лингвистической публикацией, — писал С. И. Котков, — можно считать такую, в которой представлено и наборное, и факсимильное воспроизведение рукописного текста или по меньшей мере его фрагментов» (*Котков С. И.* Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 1980. С. 14). Касаясь же исследований синтаксиса, тот же специалист утверждал: «Современная пунктуация опирается на современные синтаксические отношения, а получившие отражение в старинных рукописях синтаксические отношения были иными. Поэтому при внесении современной пунктуации в издания старинных рукописных текстов служит их современной интерпретации, а не выявлению отложившихся в них былых синтаксических отношений. Лингвист, не знакомый с рукописным наследием, невольно ориентируясь на эту пунктуацию, воспринимает представленные в публикуемом источнике или иные синтаксические отношения в несколько осовремененном виде. Вот почему, нам кажется, разработка исторического синтаксиса особенно нуждается в повороте к непосредственному изучению старинных рукописей» (Там же. С. 56–57). Сторонники буквализма обычно не касаются вопроса о допустимости такого вмешательства археографа в текст, хотя находятся и предпочитающие публикации, в которых знаки препинания расставлены по минимуму. И хотя это совершенно не так, последние утверждают, будто «облегченная пунктуация соответствует своеобразию синтаксического строя памятников письменности XVII в.» (Документы Разрядного, Посольского, Новгородского и Тайного приказов о раскольниках в городах России. 1654–1684 гг. М., 1990. С. 22). Правда, со временем такой максимализм проходит, и у тех же авторов наблюдается использование большего числа знаков препинания. См., например: *Румянцева В. С.* Патриарх Никон и духовная культура в России XVII века. М., 2010. С. 153–213.

Коллеги самого О. И. Хоруженки в предпринятой ими публикации книги Литовской метрики (Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1 (6). М.; СПб., 2012) не преминули расставить знаки в соответствии с собственной интерпретацией текстов.

¹⁰ Хоруженко О. И. Современные принципы... С. 351.

ждение своего тезиса он вновь обращается к истории археографии и подчеркивает, что уже с конца 40-х годов прошлого века потребности источниковедения пробудили «интерес публикаторов к внешней стороне рукописи».¹¹ Правда, при этом не оговаривается, что речь идет о публикаторах, вооруженных куда более простым набором технических средств, нежели существует ныне, зато в виде заклинания возвещается, что сохранение всех без исключения букв «делало публикацию источника достаточно трудоемким процессом, однако примеры реализации таких подходов составили „золотой фонд“ отечественной археографии».¹² Нетрудно заметить, что здесь не говорится ни слова в оправдание «трудоемкости» процесса, а просто провозглашается его необходимость не только в прошлом, но и в настоящем.

И, конечно же, не обходится без ссылки на политику советских властей в области археографии. «Между тем такой скрупулезный подход, делавший публикацию источника „штучным товаром“ и требовавший серьезной профессиональной подготовки археографов, шел в разрез с идеологически ориентированными запросами к исторической науке. От историков требовалось готовить много и быстро разнообразные сборники..., которые должны были издаваться солидными тиражами и широко использоваться в пропаганде. „Переведенные“ с дореволюционной на современную орфографию, адаптированные тексты источников должны были быть понятны максимально широкому кругу потенциальных читателей».¹³ Относительно последнего заметим, что факсимильное полноцветное воспроизведение листа рукописи будет представлять собой поистине «штучный товар», требующий от потребителя серьезной профессиональной подготовки, выражающейся в умении читать рукописные тексты, применение электронного формата лишит смысла обсуждение тиража, не будет никакого перевода с дореволюционной орфографии,¹⁴ и самое существенное — тексты перестанут быть понятными широким слоям читателей, включая и многих профессиональных историков. Видимо, это и должно было бы отвечать пожеланиям О. И. Хоруженко, но не отвечает.¹⁵

¹¹ Хоруженко О. И. Современные принципы... С. 352.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 352–353.

¹⁴ Хотя и не понятно, о какой революции применительно к документам XVI в. в данном случае идет речь. Или О. И. Хоруженке не известно, что их орфография несколько отличается от правописания кануна 1917 г.?

¹⁵ Как не устраивает и другого сторонника позиции С. М. Каштанова — О. В. Новохатко, утверждающую: «...Любое воспроизведение текста, кроме факсимильного, неминуемо влечет за собой вторжение в него публикатора. (Хотя и факсимильное

Нужно заметить, что С. М. Каштанов и О. И. Хоруженко все время твердят о каких-то «дипломатических» изданиях, будто полагая всякие другие (за исключением, пожалуй, «лингвистических») несуществующими, хотя критикуемые ими публикаторы не заявляли, будто готовят именно «дипломатические» издания.

В свое время А. В. Антонов отметил, что призывы С. М. Каштанова воспроизводить каждую букву оригинала документа плохо сочетаются с его собственной практикой.¹⁶ В связи с этим О. И. Хоруженко сослался на целый ряд публикаций С. М. Каштанова, осуществленных уже после 1999 г., где археограф следует декларируемым им самим требованиям. Однако у А. В. Антонова речь шла о публикациях, вышедших от имени С. М. Каштанова в предшествующее время. Не будем уходить далеко и вспоминать публикации актов в составе издания «Памятники русского права», помня о сказанном О. И. Хоруженкой о давлении властей, которому, вероятно, вынужден был подчиняться С. М. Каштанов. Не станем обращать внимания на приложения к монографии самого С. М. Каштанова 1970 г., где напечатан целый ряд актов по спискам XVI–XVII веков, поскольку это было давно, а мнения могут меняться с течением лет. Однако оказывается трудным пройти мимо публикации опять же в приложении к монографии, но уже 1996 г., когда и мнение сложилось, и давление власти не ощущалось. Здесь находим публикацию текстов подлинников актов 1560 г. из архива Владимирской области и 1541 г. из патриаршего собрания ГИМ, не усложненные обозначениями выносных или восстанавливаемых из-под титула знаков, воспроизведением множества кириллических знаков и указаниями на

издание источника отнюдь не является решением проблемы. Как может показаться на первый взгляд: вместе с графикой оригинала фотографии отображают и пятна, и сгибы, и размытые, и стертые места, затрудняющие чтение; не отражают филигранные бумаги и другие особенности материала» (*Новохатко О. В.* «Генеральный регламент» актовой археографии. С. 311). Отметим очевидную путаницу, когда сначала говорится о воспроизведении текста, а потом — о публикации источника, хотя факсимиле предполагает лишь изображение. Соответственно, воспроизвести можно изображение смятого и загрязненного бумажного носителя, а можно — того вида, который он принимает после приложения усилий реставраторов. Это будет два разных изображения одного и того же материала. Наблюдается и другое противоречие: с одной стороны декларируется желание максимально исключить вторжение публикатора, с другой — отмечается необходимость прочтения размытых и стертых мест, что доступно только этому публикатору. Нужно помнить, что единственный путь действительного ограничения «вторжения» публикатора — отказ от публикации.

¹⁶ Антонов А. В. Ответ на критику // Русский дипломатарий. Вып. 5. М., 1999. С. 211.

окончание строк.¹⁷ Невозможно себе представить, чтобы в это время, буквально за два года до провозглашения упреков в адрес все не так делающих археографов, С. М. Каштанову не хватало профессионализма, чтобы по достоинству оценить собственное археографическое ренегатство. Нельзя также упрекнуть публикатора и в нежелании предоставить коллегам возможность, используя его публикацию, заняться изучением палеографических или кодикологических особенностей рукописей, образа работы царской канцелярии предопричной поры и прочего. Видимо, дело совсем в другом — в согласии теоретических положений и практических приемов. Достаточно внимательно прочитать краткий фрагмент в «Актовой археографии», чтобы убедиться в справедливости подобного вывода. «Независимо от того, — пишет С. М. Каштанов в публикуемых уже от его имени правилах издания «Актов Русского государства», — по какой рукописи издается текст — по подлиннику или по списку — к нему применяются общие принципы транскрипции: одинаковые правила замены устаревших букв... Для передачи текста употребляется современный русский алфавит...».¹⁸ Тем самым, С. М. Каштанов в 1996 г. публиковал акты почти так, как предписывал это в правилах два года спустя, не требуя буквализма. Следовательно, можно наблюдать постоянство археографических принципов, хотя бы на протяжении нескольких лет. То, что в дальнейшем они изменились, можно ведь связывать и с совершенно иными, привходящими обстоятельствами.¹⁹

Можно, конечно, думать, что столь же твердым в принципах окажется и ринувшийся на защиту С. М. Каштанова О. И. Хоруженко, но некоторые факты его научной биографии разочаровывают. Достаточно обратиться к осуществленной С. М. Каштановым и О. И. Хоруженко совместной публикации актов Московского Архангельского собора, чтобы убедиться, насколько непоследовательным представляется в своих пристрастиях нынешний сторонник буквализма в передаче текста. В этой публикации первый же документ, сохранившийся в подлиннике, публикуется по тем самым «упрощенным» нормам, кои предписаны С. М. Каштановым в его «Правилах», но никак не соответствуют позднейшим требованиям О. И. Хоруженки.²⁰

¹⁷ Каштанов С. М. Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв. М., 1996. С. 202, 210–211.

¹⁸ Каштанов С. М. Актовая археография. С. 177–178.

¹⁹ Может быть, с тем, что именно тогда С. М. Каштанов впервые «открыто и страстно» вступил «в бой за честь и чистоту актовой археографии» (Новохатко О. В. «Генеральный регламент» актовой археографии. С. 311).

²⁰ Каштанов С. М., Хоруженко О. И. Грамоты из архива Московского Архангельского собора // Археографический ежегодник за 1997 год. М., 1997. С. 406–407.

Видимо, в данном случае удастся отследить проявление того прогресса в науке, о котором пишет О. И. Хоруженко.

Правда, некоторые сомнения в справедливости своих требований в части способа публикации текстов у С. М. Каштанова, вероятно, все-таки присутствуют. Иначе трудно объяснить появление емкого хронологического перечня актов Троице-Сергиева монастыря за 1505–1537 годы вместо давно ожидаемого очередного тома публикации текстов тех же актов за 1526–1537 годы.²¹ В результате электронного копирования доступ к значительному по объему комплексу текстов этих документов оказался значительно облегчен, и хотя потребность удовлетворена не полностью, острота ее в некоторой степени снята. Однако составленные заголовки и легенды к не печатающимся актам стоит сделать общим достоянием. Соединение этих элементов превращается в почти полноценную публикацию, причем такую, где все требования по сохранению орфографии текстов в неприкосновенности соблюдены. Заодно технический прогресс показал, что дальнейшее промедление попросту неразумно, что еще немного, и кто-то сделает работу вместо тех, кто говорил о ней десятилетиями.

И дело здесь не в какой-то придуманной конкуренции. О ней, скорее, думают именно сторонники «усложненных» принципов, многократно жалующиеся, что их обошли, опередили, чуть ли не ограбили. Вероятно, решив однажды, что некое дело является их привилегией, они не хотят учитывать именно потребности представителей той самой науки в доступе к текстам документов, годами согласовывают правила и вынуждают в ожидании новых подготовленных ими публикаций пользоваться стародавними изданиями, как пользуются ими сами. Впрочем, практика показывает, что чаще всего ожидаемого от них можно не дожидаться никогда. А требования максимально трудоемкого процесса на проверку оказывается подчас удобным средством законсервировать этот процесс.

Наблюдающееся на протяжении нескольких лет разноречие в суждениях и действиях С. М. Каштанова и О. И. Хоруженки относительно обязательного в деле публикации текстов документов XVI–XVII вв. не убеждает нас в справедливости их претензий и оставляет сторонниками необходимого и достаточного. В нашем представлении, будет верным, если археограф воспроизведет текст в удобочитаемом виде, если не удовлетворенный этим лингвист предпочтет исследовать тот же текст по фотовоспроизведению или оригиналу, если палеограф, кодиколог и филигранист займутся непосредственным изучением свойств подлинника, если появятся альбомы с доброт-

²¹ Перечень актов архива Троице-Сергиева монастыря. 1505–1537. М., 2007.

ным воспроизведением водяных знаков, печатей и прочих атрибутов документов, и т. д. Каждому из исследователей — свое, и только подлинник способен удовлетворить всех. Пусть подготавливаемые С. М. Каштановым и О. И. Хоруженкой публикации в будущем составят золотой фонд отечественной археографии, для нас достаточно, что публикации с ними несогласных не приносят никакого вреда, поскольку еще никто не уличил их изготовителей хотя бы в неточном прочтении текста. Определенные интересы эти публикации уже удовлетворяют, тогда как декларируемые создателями правил заставляют себя ждать. При этом вразумительного объяснения цели усложнения передачи типографским способом текста документа так и не дано.

Незыблемым остается только один принцип — исследователь должен работать с материалом в той форме, какая способна удовлетворить его потребности, но непременно без посредников. Невозможно считать методически верным изучение печатей или филигранных по описанию в легенде, палеографии по указаниям на эпизодическое изменение почерка, кодикологии по обозначениям в печатном тексте окончаний строк и страниц, а орфографии по буквам без надстрочных знаков. Как минимум, необходимо воспроизведение изображений перечисленных объектов. Археограф же, работающий с текстом, не должен стоять между исследователем и материалом, он лишь облегчает к нему доступ.

Сказанное подразумевает необходимость публикации текстов документов в возможно полном их объеме, без изъятий, что не всегда реализуется на практике. Более того, находятся сторонники прямо противоположного мнения, не просто предпочитающие заимствовать необходимые им сведения, что называется, «из вторых рук», не только не испытывающие потребности в источниковедческом изучении привлекаемых документов, не желающие сколько-нибудь глубоко ознакомиться с его содержанием, но и упрямо декларирующие не просто необходимость подобной работы, а даже и преимущества отказа от нее.

На протяжении длительного времени, на наш взгляд, именно этим в своих многочисленных произведениях занимается А. И. Раздорский, несколько лет назад даже посвятивший специальную статью обоснованию тезиса о ненужности публикации таможенных книг как вида исторического источника и замене ее печатанием составляемых на основании архивных подлинников таблиц, называемых им ученым словом «регесты».²² Не ограничиваясь теоретическими при-

²² На необходимости различения регест и таблиц настаивал в свое время С. Н. Валк (*Валк С. Н. Регесты в их прошлом и настоящем // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 44*).

зывами, он и на практике преследует ту же цель — исключение из оборота полных текстов и постановку на их место изготовленных им самим арифметических выкладок.

Стоит заметить, что увлечение регестами, как и иными способами сокращенной публикации текстов, — не новость в отечественной археографии, и многие уважаемые в научных кругах специалисты высказывались в защиту их права на существование. Однако необходимо помнить, что главным в их рассуждениях всегда оставалось стремление к преодолению возникающих перед исследователем проблем, связанных с обилием вводимых в научный оборот документов. Правда, способ, каким регесты помогали бы исследователям в работе, помимо разыскания необходимых материалов, описывался нечетко. Например, С. Н. Валк просто утверждал, что у публикаций документов и регестов существуют различные цели, не указывая, какие цели, достигаемые печатанием регестов, остаются недоступными изданием полных текстов документов.²³ Утверждая же, что основное значение регест все-таки состоит в сокращении публикуемого текста,²⁴ он фактически все дело свел к увеличению числа известных документов при одновременном сокращении объема изучаемых конкретным исследователем текстов.²⁵

Разумеется, маститый археограф понимал, что предлагаемый им путь сразу же исключал возможность работы с документом на уровне исследования текста, то есть заранее подразумевал возможность использования только беловых рукописей, поскольку отразить редакционную правку черновика в изложении регеста куда сложнее технически, чем просто воспроизвести ее в полном виде. Игнорирование же при переработке текста документа в регест особенностей черновика, в свою очередь, исключало возможность видеть в окончательном образе этого документа отражение конкретных источников его текста. Иными словами, сокращение текста всякий раз означает усечение объема предоставляемых о документе сведений, что вступает в противоречие с методологически обоснованным требованием полноты используемого для исторических реконструкций ма-

²³ Валк С. Н. Регесты в их прошлом и настоящем. С. 42–43.

Статья предполагалась главой для нового издания книги С. Н. Валка «Советская археография» (Шмидт С. О. С. Н. Валк и развитие археографической культуры // Валк С. Н. Избранные труды по археографии. Научное наследие. СПб., 1991. С. 338).

²⁴ Валк С. Н. Регесты в их прошлом и настоящем. С. 46.

²⁵ По мнению С. О. Шмидта, С. Н. Валк вообще видел основную задачу археографа в облегчении исследователю доступа к исторической информации (Шмидт С. О. С. Н. Валк и развитие археографической культуры. С. 339–340).

териала. С. Н. Валку и это было понятно, о чем свидетельствует его деятельность как публикатора полных текстов, будь то средневековые грамоты или декреты Советской власти.

Поскольку создание регест любого типа подразумевает сокращение текстов, то совершенно очевидной представляется возможность такого сокращения в соответствии с личными и относительно узкими интересами составителя, а значит и нескольких вариантов регест одного и того же документа в зависимости от широты кругозора или степени ангажированности автора. Уже исходя из этого, предпочтительным видится иной порядок предоставления материала, при котором первоначальным актом становится полная публикация текста, а вторичным — создание какого-то рода регест на его основе. Публикатор удовлетворится тем, что выполнил свою задачу, обеспечив исследователю доступ к археографически обработанному тексту документа, а каждый составитель регест в любом их виде будет тешить себя мыслью, что изучение некоей темы с привлечением данного источника не обошлось без использования произведенного им продукта, и даже требовать обязательных ссылок на свое произведение.

За исключением последнего, процесс окажется вполне нормальным, приняв вид технологической цепочки: текст — сокращенное тематическое изложение — привлечение в ходе изучения темы. В этом случае совершенно ясным становится характер регест как некоего рода промежуточных, подготовительных материалов, лучше всего отвечающих потребностям их же творца.

Видимо, так кажется не всем и А. И. Раздорскому в их числе. Попробуем рассмотреть аргументы, приводимые им для подтверждения справедливости собственного суждения, дабы постараться оценить по достоинству их убедительность.

Для начала отметим, что А. И. Раздорский основную ценность таможенных книг усматривает в приводимых ими статистических данных.²⁶ Мнение, думается, более чем спорное, поскольку все зависит от интереса, предъявляемого к источнику исследователем. Некоторые вопросы никак не могут быть решены путем использования лишь тех «статистических» сведений, которые, как кажется А. И. Раздорскому, предоставляют таможенные книги. Для примера назовем хотя бы сам процесс их создания или степень элементарной грамотности и, следовательно, отчасти профессиональной пригодности составителей.

Однако А. И. Раздорского занимают совсем иные проблемы: эволюция единого всероссийского рынка и начало генезиса буржуаз-

²⁶ Раздорский А. И. О составлении и публикации регестов таможенных книг XVII–XVIII вв. // Отечественные архивы. 2007. № 1. С. 32.

ных отношений в стране, что невозможно без проведения «многоаспектного сравнительного анализа сведений, имеющихся в источниках разных регионов и разного времени», а это последнее недостижимо без массового включения в научный оборот все тех же «статистических данных как можно большего числа таможенных книг максимально широкого географического и хронологического охвата» и выработки «унифицированной методики формализации, систематизации и количественной обработки содержащихся в них цифровых данных». ²⁷

Помня о весьма объемных, изданных под его именем томах, ²⁸ думается, что сам А. И. Раздорский решил заняться решением перечисленных проблем, а посему вынужден торопиться со сбором необходимого на этом пути материала. И здесь, конечно же, его не могут устроить предваряющие исследование экономических процессов публикации источников, на основании которых эти процессы предполагается изучать. «Публикация текстов таможенных книг поставленных проблем не решает, так как в силу своей сложности и трудоемкости не может обеспечить массового введения их данных в научный оборот». ²⁹ Проведя некоторые подсчеты, А. И. Раздорский обнаружил, что на протяжении последнего полувека опубликованы тексты всего-то около пяти десятков книг. Так как подобное положение представляется ему крайне неудовлетворительным (в чем мы не можем с ним не согласиться!), сторонник арифметических подсчетов предлагает не дожидаться публикаций и взамен изготавливать таблицы, предлагая разработанную и опробованную им самим методику и рисуя перед читателем заманчивые перспективы компьютерной обработки полученных результатов, а заодно и резюмируя: «Таким образом, с помощью регестов можно сравнительно быстро аккумулировать и обработать практически всю основную статистическую и фактологическую информацию, имеющуюся в таможенных книгах». ³⁰ Правда, оказывается, что таблицы, именуемые регестами, не призваны отражать все сведения источника, а только те из них, которые «поддаются формализации и предназначены для последующей статистической обработки», а также «имеют значение для изучения истории торговли». ³¹

²⁷ Раздорский А. И. О составлении и публикации регестов... С. 32.

²⁸ Раздорский А. И. 1) Торговля Курска в XVII веке (по материалам таможенных и оброчных книг города). СПб., 2001; 2) Торговля Вязьмы в XVII веке (по материалам таможенных и кабацких книг города). СПб.; М., 2010.

²⁹ Раздорский А. И. О составлении и публикации регестов... С. 32.

³⁰ Там же. С. 35.

³¹ Там же.

По мнению А. И. Раздорского, для изучения этой истории, в частности, не имеют значения номенклатура и суммы собираемых таможенными служителями пошлин, «поскольку эти сведения к статистике торговли имеют лишь косвенное отношение».³² Мы, сознаемся, полагали, что объемы пошлинных сборов и их особенности в том или ином регионе страны прямым образом сказывались на такой немаловажной, на наш взгляд, характеристике торговой деятельности как прибыль. Оказывается, что это не так, потому что иначе представляется А. И. Раздорскому, для которого важен сам отмеченный в книге факт торговой сделки, но никак не результат для ее участников. Мы где-то слышали, что таможенные барьеры весьма препятствовали успешной торговле, самым негативным образом сказываясь не только на общих размерах прибыли продавцов, но даже и на норме прибыли ставших продавцами производителей продукта, превращенного в товар. Возможно, мы ослышались. Наконец, именно приводимые в книгах данные о сумме взятых пошлин зачастую остаются единственным материалом, позволяющим высчитать размер товарной партии. Впрочем, это не всем известно.

В какой-то мере ущербность своей позиции иногда осознает и сам А. И. Раздорский, например, когда пишет: «Следует обратить внимание на то, что регесты таможенных книг ... не заменяют собой печатного воспроизведения их текстов. ... Публикация регестов не заменяет (не исключает) издание текстов таможенных книг в полном объеме. Цели публикации текста иные: дать исчерпывающе полное представление о структуре документов и формулярах их отдельных статей, текстологических, палеографических и кодикологических особенностях памятников и т. п. Однако противопоставлять регесты публикациям текстов, как это делают некоторые исследователи, некорректно и неверно по существу».³³ Под некоторыми исследователями здесь подразумевается Л. А. Тимошина, на статью которой и приведена ссылка.³⁴

³² Раздорский А. И. О составлении и публикации регестов... С. 36.

³³ Там же.

³⁴ Тимошина Л. А. О публикации таможенных книг в 1996–1997 годах // Очерки феодальной России. Вып. 3. М., 1999. С. 259–260.

Заметим, что в указанной статье Л. А. Тимошина писала о воспроизведении содержания таможенных или писцовых книг, используя слово «публикация» лишь в кавычках. Следовательно, упрек А. И. Раздорского не по адресу! Тем более, что непонятно употребленное им выражение «противопоставлять». Противопоставляет публикации текстов и «регестов» сам А. И. Раздорский, давно утверждая, что «регесты не являются публикацией таможенных книг и не заменяют собой печатного воспроизведения текстов этих источников» (Раздорский А. И. Торговля Курска

В этом случае А. И. Раздорский как бы не стремится заменить «регестами» публикации текстов, для него будто бы важно отстоять возможность публикации и того, и другого, хотя на самом деле речь идет о правомерности публикации подготовленных им таблиц. «Для исследования количественных показателей развития торговли, — пишет он, — определения ассортимента товаров, географии торговых связей несравненно удобнее использовать не тексты таможенных книг, а регесты, поскольку они содержат уже обработанные и систематизированные данные. Но для изучения истории таможенного делопроизводства, источниковедческого и текстологического анализа памятников необходима публикация источников».³⁵ При этом автор заклинаний почему-то не говорит, кому, собственно говоря, удобнее использовать «регесты» и чьи «регесты» нужно использовать. А поскольку ныне по данному виду источников публикацией таблиц в таких объемах, как это делает А. И. Раздорский, никто не занимается, то остается думать, что автор, с одной стороны, оправдывает свои работы, а с другой — рекламирует их же как способные заменить тексты таможенных книг в области изучения развития торговли.

А. И. Раздорский понимает, что составленные им таблицы усекают предоставляемую пользователю информацию, но, разумеется, находит оправдание в том, что и публикация текста источника тоже не отражает всего его содержания. Правда, некоторые его высказывания вызывают недоумение. Например, он утверждает, что «для исследователя торговой статистики неважно, какие, например, филиграни имеются в той или иной датированной таможенной книге».³⁶ Во-первых, здесь почему-то исследователь торговли низводится до уровня исследователя торговой статистики, которой в России в XVII в. просто не существовало. Таможенные книги не являются статистическим справочником, что, очевидно, неведомо А. И. Раздорскому. То есть и исследовать-то нечего, если, конечно, в качестве «статистики» не принимать все те же «регесты» Раздорского. Во-вторых, материал, на котором написаны тексты таможенных книг, приобретался на том же рынке, каковой в самой книге отчасти и описывается, хотя вовсе не обязательно в книге будет отражен факт покупки бумаги для нужд таможенной избы. Следовательно, филиграни превращаются в единственный источник сведений о направлении сбыта

в XVII веке. С. 9). Напомним, со своей стороны, утверждение С. Н. Валка, что регесты «являются одним из видов сокращенного издания документов» (*Валк С. Н. Регесты в их прошлом и настоящем. С. 46*).

³⁵ Раздорский А. И. О составлении и публикации регестов... С. 36.

³⁶ Там же. С. 40. Примеч. 20.

бумажной продукции, чаще всего импортируемой из-за рубежа. Однако столь малые партии товара не представляют интереса для статистики или торговли, как ее понимает А. И. Раздорский, отчего ему и невдомек, что в данном случае утрачиваются весьма важные сведения для его же предмета. Разумеется, публикация текста таможенной книги отнюдь не предполагает обязательного воспроизведения в том же издании встречающихся на ее бумаге водяных знаков. Последние было бы более верным собирать в специальные альбомы, хорошо бы и с указанием количества листов с одинаковыми изображениями, что, впрочем, уже задача отдаленного будущего. Напомним, что само по себе нахождение бумаги с неким знаком, отражая факт миграции бумаги конкретной фабрики, ничего не говорит ни о пути ее перемещения в пространстве, ни об объеме перемещаемой партии. Следовательно, возникает проблема количественного учета бумаги с определенным знаком, но это выходит далеко за пределы обязанностей археографа, если помнить, что он публикует не источник в целом, а его текст или изображение.

Неполнота отражения источника в публикации на уровне передачи особенностей носителя текста (фактура бумаги, филиграни, чернила) или работы создателя этого текста (почерк) неожиданно становится аргументом в пользу «регестов». «Что же касается регестов, — продолжает заклинять читателя А. И. Раздорский, — то в них, в соответствии с их функциональным назначением, включается практически вся значимая для исследования истории торговли информация, а опущенные сведения существенного значения для ее изучения не имеют».³⁷ Напомним, что речь идет именно о «регестах», изготовленных самим А. И. Раздорским, которому, видимо, заранее известно, какие сведения будут важны для потенциальных пользователей информации, заключенной в его таблицах. В противном случае он не утверждал бы, что их уже достаточно.

Не будучи склонными доверять словам, обратимся к некоторым составленным А. И. Раздорским таблицам, дабы всего лишь посмотреть, насколько в них не то что полно, но хотя бы относительно точно отразились сведения использованных материалов.

Начнем с малого, с адекватности прочтения имен собственных, помня, что история торговли, о которой говорит А. И. Раздорский, есть история деятельности людей. Здесь сталкиваемся с некоторыми неверными прочтениями, искажающими данные об отдельных персонах. Так, фамилия одной из семей вяземских торговцев неоднократно подвергается изменению, и из «Поросяткин» волею состави-

³⁷ Раздорский А. И. О составлении и публикации регестов... С. 36.

теля таблиц превращается в «Поросятник».³⁸ Другой вязмитин — Никифор Стотьин — стал Никифором Стониным.³⁹ Житель Дорогобужа Федор Иванов оказался Федотом.⁴⁰ Вяземский стрелец Иван Авдеев стал Иваном Андреевым,⁴¹ вязмитин Никита Туров — Миккулой Туровым,⁴² ямщик Дорофей Потапов — Гордеем,⁴³ крестьянин Яков Шекарев — Макаровым,⁴⁴ недоросль Петр Соколов — Сопоговым.⁴⁵

Метаморфозам оказались подвержены не только имена торговцев, но и наименования товаров. Станным образом в записи 7 июля 1652 г. принадлежавшие Артемию Иванову «пять лагунов дехтю» превратились в то же количество железа,⁴⁶ хотя транспортировать металл в сосудах любой емкости не совсем удобно.

Изменениям подверглись и денежные суммы. Явленный 18 августа 1652 г. вязмитином Федором Туровым товар несколько обесценился, пройдя обработку для таблиц А. И. Раздорского, потеряв 80 копеек своей стоимости.⁴⁷ Лук и чеснок вереитина Алексея Васильева с товарищами, оцененный 23 января 1657 г. в 18 рублей,

³⁸ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Вязьма. Кн. 16. Л. 5, 79 об.; Кн. 18. Л. 13 об., 99 об.; *Раздорский А. И.* Торговля Вязьмы в XVII веке. С. 202, 216, 226, 241.

³⁹ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Вязьма. Кн. 16. Л. 40 об.; *Раздорский А. И.* Торговля Вязьмы в XVII веке. С. 208.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Вязьма. Кн. 16. Л. 18 об.; *Раздорский А. И.* Торговля Вязьмы в XVII веке. С. 205.

⁴¹ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Вязьма. Кн. 18. Л. 47 об.; *Раздорский А. И.* Торговля Вязьмы в XVII веке. С. 231.

⁴² РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Вязьма. Кн. 18. Л. 75; *Раздорский А. И.* Торговля Вязьмы в XVII веке. С. 236.

⁴³ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Вязьма. Кн. 33. Л. 1 об.; *Раздорский А. И.* Торговля Вязьмы в XVII веке. С. 383.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Вязьма. Кн. 33. Л. 45 об.; *Раздорский А. И.* Торговля Вязьмы в XVII веке. С. 391.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Вязьма. Кн. 33. Л. 56; *Раздорский А. И.* Торговля Вязьмы в XVII веке. С. 392.

Указанные неточности в воспроизведении имен собственных не могут объясняться неумением А. И. Раздорского адекватно читать скоропись XVII в., поскольку и прошедшие через типографский станок тексты используются им с похожими погрешностями. Например, явивший 7 февраля 1642 г. в Курске товар Нефед Кочанов (Памятники южновеликорусского наречия. Таможенные книги. М., 1982. С. 199) в передаче А. И. Раздорского оказался Нефедом Кочетовым (*Раздорский А. И.* Торговля Курска в XVII веке. С. 483).

⁴⁶ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Вязьма. Кн. 16. Л. 95 об.; *Раздорский А. И.* Торговля Вязьмы в XVII веке. С. 220.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Вязьма. Кн. 16. Л. 102; *Раздорский А. И.* Торговля Вязьмы в XVII веке. С. 221.

у А. И. Раздорского подорожал на рубль, хотя пересчет пошлинного сбора легко показывает ошибку в «регесте».⁴⁸

Неоднозначной выглядит интерпретация А. И. Раздорским некоторых записей в оригиналах таможенных книг. Так, согласно его таблице, 9 февраля 1652 г. житель Вязьмы Леонтий Юрьев и москвич Алексей Зеркальников предъявили в вяземской таможене общий товар — шкурки соболя.⁴⁹ Текст таможенной книги позволяет увидеть иное. «Февроля в 9 день явил вязьмитин Левонтей Юрьев обчева товары с москвитинам с Олексеем Зеркольниковым на возу дватцать один сорок и дватцать пять соболей, цена всему товару тысяча четьриста рублей, пошлин с москвитина по пяти денег с рубля, а с вязьмитина по полутретьи деньги с рубля, анбарщины с москвитина на неделю гривна, с вязьмитина с приезде гривна, возовых восемь денег, явки с них четыре деньги, пищева, херенова, сорового, позомочнова пять алтын две деньги, и всего взято дватцать шесть рублей дватцать два алтына две деньги».⁵⁰ Явка осуществлена вязьмитином, лишь указавшим на принадлежность части пушнины другому лицу. Зеркальников либо, приехав в Вязьму, сам не удостоил стены таможни своим появлением, либо вообще не приезжал в этот город, где Леонтий действовал от его имени. Впрочем, это, видимо, несущественный момент для вяземской торговли, как она представляется А. И. Раздорскому. Как минимум, таблица должна была бы включить в себя дополнительные графы.

По Раздорскому, 27 января 1653 г. москвич Семен Иванов продал в Вязьме 30 женских бобровых шапок за 20 рублей, а оставшийся товар — краеный пух — повез в Москву.⁵¹ Запись в оригинале таможенной книги говорит о другом: «Генваря в 27 день явил москвитин Семен Иванов на возу тритцать шапок бобровых женских да краенова пуху на пять рублей, продал в Вязьме на дватцать рублей, пошлин по пяти денег с рубля, онбарщины на две недели шесть алтын четыре деньги, явки с него две деньги, взовых восемь денег, пищева, херенова, сорового, позомочнова два алтына четыре деньги, а достольной товар повес назад, отвозу шесть денег, и всего взято дватцать восемь алтын четыре деньги».⁵² Оказывается, что всего товара, в коем следует учитывать и шапки, и пух, продано на 20 рублей, тогда как масса пуха, цена шапки, проданное порознь количество того и другого остаются неизвестными.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Вязьма. Кн. 22. Л. 44; *Раздорский А. И.* Торговля Вязьмы в XVII веке. С. 304.

⁴⁹ *Раздорский А. И.* Торговля Вязьмы в XVII веке. С. 212.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Вязьма. Кн. 16. Л. 61 об.—62 об.

⁵¹ *Раздорский А. И.* Торговля Вязьмы в XVII веке. С. 232.

⁵² РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Вязьма. Кн. 18. Л. 53 об.—54.

Не все торговые операции нашли отражение в «регестах» А. И. Раздорского. Например, в явке Семена Поросяткина 29 марта 1652 г. у А. И. Раздорского не упомянуто о восьми сороках горностаев, составлявших, вероятно, немалую часть в стоимости всего товара.⁵³

29 марта, по данным Раздорского, вязьмитин Василий Богданов предъявил 4000 шкурок белки чистые, 80 лисиц, три сорока ласки, 12 лисиц, 14 волков, 6 песцов черных недорысок, 6 песцов белых, 2 медведки черные.⁵⁴ В подлиннике явка Василия выглядит иначе: «Того ж дни явил вязьмитин Василей Богданов на дву возех шесть тысяч белки чистой, девяноста две лисицы, четырнатцать волков, шесть песцов черных недорысок, шесть песцов белых, две медведны черных, три сорока ласок, с ним извощик. Белки четыре тысени, восемьдесят лисиц, три сорока ласок продал в Вязьме, цена всему товару сто дватцать три рубли. Пошлин по полутретьи деньги с рубля, анбарщины с приезде гривна, возовых восемь денег, явки с нево и с ызвощика четыре деньги, пищева, херенова, сорового, позомочнова два алтына четыре деньги. Двенатцать лисиц, четырнатцать волков, двенатцать песцов, две медведны отъявил, повес на Свинскую ярмоньку, отвозу шесть денег. И всего взято рубль дватцать шесть алтын полшесты деньги».⁵⁵

В таблице А. И. Раздорского удивительным образом отсутствуют сведения о каком-либо тексте на л. 17–17 об. вяземской книги 1651/52 г.,⁵⁶ из чего читатель мог бы заключить, что этот лист в рукописи оставлен пустым. Однако на самом деле в этом месте содержится достаточно обширная и информативная запись: «160-го году привезли вяземские кобацкие откупщики москвитин кодошевец Илья Никифоров сын Горезин с товарыщи на вяземские кобаки тритцать бочак вина, мерою в тех бочках восьмьсот ведр, цена по тринадцати алтын по две деньги ведро, и всего за вино денег триста дватцать рублей, пошлин по пяти денег с рубля, онбарщины на неделю гривна, возовых рубль шесть алтын четыре деньги, явки с нево и с ызвощика пять алтын две деньги, пищева, херенова, сорового, позомочнова два алтына четыре деньги, и всего взято государевой пошлины девять рублей осмнатцать алтын, и те деньги в доимке».⁵⁷ Видимо, поставка нескольких тонн вина для нужд государственной инстанции показала А. И. Раздорскому несущественным фактом вяземской торговли.

⁵³ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Вязьма. Кн. 16. Л. 79 об.–80 об.; *Раздорский А. И.* Торговля Вязьмы в XVII веке. С. 216.

⁵⁴ *Раздорский А. И.* Торговля Вязьмы в XVII веке. С. 217.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Вязьма. Кн. 16. Л. 80 об.–81 об.

⁵⁶ *Раздорский А. И.* Торговля Вязьмы в XVII веке. С. 205.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Вязьма. Кн. 16. Л. 17–17 об.

Произведенная выборочная проверка соответствия содержания таблиц, изготовленных А. И. Раздорским и пропагандируемых им в качестве достаточного для изучения торговли материала, сведениям оригиналов таможенной документации, на наш взгляд, показывает, насколько опрометчиво поступит исследователь, доверившись составителю «регестов». Разумеется, ошибки, вроде указанных, могут быть допущены и публикатором. Однако сама методика подготовки публикаций, предусматривающая хотя бы сверку обрабатываемого текста с подлинником, а то и проверку записей путем просчета пошлинных сборов, является в некоторой степени страховкой от очевидных искажений, тогда как простое занесение некоторых, произвольно выбранных сведений в таблицы заранее предполагает возможность как ошибок прочтения оригинала, так и элементарных опечаток, выправить которые при условии декларируемой поспешности трудно, если вообще возможно.⁵⁸

Выше приводилось суждение А. И. Раздорского о недопустимости противопоставления публикаций текстов и «регестов». Однако от страницы к странице мнение составителя «регестов» меняется. «Хотя регесты предназначены прежде всего для обработки данных таможенных книг, — утверждает он ближе к концу своей статьи, — они обладают самостоятельным информационным ресурсом и нуждаются поэтому в *обязательной публикации*, которая возможна как в печатном, так и в электронном виде».⁵⁹ Что касается самостоятельного информационного ресурса, то он отчетливо продемонстрирован расхождениями между содержанием текстов таможенных книг и их переложений в таблицах, почему останавливаться на этом больше не считаем необходимым.⁶⁰ Однако из процитированного места следует, что публикация изготовленных А. И. Раздорским таблиц не только может быть полезной, но прямо-таки обязательна, в отличие, заметим, от текстов источников, на основании которых они составлены. Последнее прямо следует из слов самого автора статьи: поскольку можайские таможенные книги 1620–1630-х годов, уже переведен-

⁵⁸ Основываясь на собственном опыте, А. И. Раздорский утверждает: «На подготовку текста одной только таможенной книги требуется обычно от нескольких месяцев до нескольких лет, а на составление регестов (в зависимости от объема документа и сложности формуляра отдельных записей) — от нескольких дней до нескольких недель» (*Раздорский А. И. Торговля Вязьмы в XVII веке. С. 9. Примеч. 17*).

⁵⁹ *Раздорский А. И. О составлении и публикации регестов... С. 38.*

⁶⁰ С. Н. Валк писал, что «регесты не могут не нести отпечатка как той среды, в которой они создаются, так и того лица, от взглядов и степени добросовестности которого зависит научный успех дела» (*Валк С. Н. Регесты в их прошлом и настоящем. С. 47*). В этом смысле «регесты», таблицы и прочее, безусловно, обладают собственным информационным ресурсом, но уже историографического характера.

ные в табличную форму, сами по себе крайне скупы содержанием, «публиковать полные тексты подобных памятников едва ли имеет смысл». ⁶¹ Сам А. И. Раздорский весьма откровенно противопоставляет публикации «регестов» и текстов, поскольку первые, по его мнению, «обязательны», а вторые иной раз вообще не имеют смысла. Оказывается, что скупые сведениями тексты публиковать не стоит, а еще более скупые в том же отношении таблицы А. И. Раздорского публиковать обязательно следует. Когда речь идет о текстах книг, то у А. И. Раздорского не возникает никаких сомнений в том, что издавать «следует лишь те, которые представляют наибольшую ценность для истории таможенного делопроизводства». ⁶² Нужно преследовать какой-то сугубо личный интерес, чтобы утверждать подобное, чтобы пытаться замещать текст источника собственными произведениями.

Когда-то один из видных публицистов заметил, что «...настоящие причины противоположных суждений заключаются в противоположности интересов». ⁶³ Коренное расхождение обычного археографа с А. И. Раздорским заключается именно в различии целей. Отстаивая приоритет публикации текстов исторических источников, археограф, тем самым, отстаивает собственный интерес в доступности исследователям исходных материалов. А. И. Раздорский, по нашему мнению, руководствуется иными мотивами.

Таким образом, оказывается, что в современных суждениях по поводу способа воспроизведения текстов документов среди авторов, писавших на эту тему, нет не то что единства, но даже отдаленного сходства мнений. Одни отстаивают правомерность и обязательность буквального следования орфографии оригинала, тогда как другие готовы вовсе отказать публикации текста в праве на существование при условии замены его заранее составленными таблицами. Как водится, крайности сходятся, когда сторонник буквализма, явно, не справляясь со сложностью задачи, ограничивается публикацией так называемых перечней документов, по сути — аналога тех же «регестов». Те и другие, на наш и не только взгляд, преследуют иной раз цели, далекие от потребностей археографии, одни представляя себя в качестве защитников истинной науки от натиска искателей легкой славы, другие — в виде радетелей о возможно скором удовлетворении действительной потребности искусственно и некачественно созданным псевдостатистическим материалом. Примечательно, что сторон-

⁶¹ Раздорский А. И. О составлении и публикации регестов... С. 40. Примеч. 26.

⁶² Там же. С. 38.

⁶³ Писарев Д. И. Сочинения в четырех томах. Т. 4. М., 1956. С. 200.

ники буквализма заботятся о максимальной трудоемкости археографического процесса, а «регестаторы» думают, как избежать того же. Одни спешат наполнить страницы книги и всемирной сети своими произведениями, призванными заменить для исследователей тексты источников, другие не торопятся донести до пользователя результаты своих работ, полагая их штучным и весьма ценным предметом. Между ними много отличий, но и есть нечто общее.

За всеми рассуждениями о необходимом, допустимом, возможном или даже бессмысленном в работе археографа упускается, что публикация есть предоставление возможности всем и каждому ознакомиться с текстом без обращения к подлиннику документа. Эту задачу оказались неспособны решать составители разнообразных правил, ее даже не ставят перед собой создатели «регестов». Вероятно, она остается уделом тех, кто, помня о ценности текста, не преследует недостижимый идеал публикации документа как такового.